

О ПРИЗНАКОВОЙ СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «ЧЕСТЬ» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

А.В. Морева, Е.А. Громова

Аннотация. Рассматриваются языковые репрезентанты концепта «честь» и контексты их употребления в памятниках средневерхненемецкого языка, наиболее ярко отражающих сущность и значение данного концепта в картине мира человека Средневековья.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, категория чести, картина мира, рыцарская литература.

Честь, как известно, является одной из важнейших категорий средневековой культуры европейского общества. Она может быть лишь приблизительно соотнесена с такими категориями, как почтительность, лицо, вежливость и пр. Так, категорию лица, обозначающую социально-психологический образ личности и её общечеловеческие потребности, которой часто апеллируют в современной англоязычной лингвистике, едва ли можно сопоставлять со средневековой категорией «честь», как это делает, например, М. Бакс, анализируя речевое поведение рыцарей перед боем [1. С. 7].

Честь представляет собой более сложную категорию, поскольку имеет неоднозначную содержательную структуру. Это не столько внутреннее сознание собственного достоинства человека, который ощущает свою индивидуальность, сколько слава среди окружающих, доблесть, понимаемая не как особенность, а как одинаковость, сходство с другими [2. С. 165]. Ф. Маурер называет это внешним аспектом чести: человек в эту эпоху видит себя глазами других, стремится к признанию, уважению, почету. Это доминанта категории чести. Однако он выделяет и внутренний аспект чести: человек стремится также к достойному, приличествующему образу мыслей [3. С. 245–246]. Понимание этого помогает правильному осмыслению многих моментов в средневековой литературе, прежде всего в рыцарской поэзии, где мы находим обилие репрезентантов категории чести в богатой сочетаемости: *êre*, *tugent*, *triuwe* и др. Они призваны подчеркнуть не личные качества героя, а его принадлежность к рыцарскому или придворному сословию, т.е. если знатен, значит благороден, честен и т.п. Вот что подразумевается под внешним и главным аспектом чести в картине мира человека Средневековья. Отсюда масса неуместных для современного читателя обращений, эпитетов, формул, которые, по всей видимости, воспринимались средневековым читателем (и скорее слушателем) как нечто вполне закономерное и соответствующее этикету.

Мы обратимся к памятникам средневерхненемецкого языка с целью анализа концепта «честь». Использование сложившейся в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике методики описания концепта

применительно к категории чести Средневековья позволит нам более пристально понаблюдать над исторической изменчивостью данной категории. Современная лингвистика интересуется планом диахронической структуры концепта, который предполагает наличие различных исторических слоёв, формирующихся у концепта в соответствии с изменением культурно-исторического окружения и с течением времени сменяющих друг друга [4. С. 44]. Каждый из таких слоёв представлен в синхроническом состоянии концепта на определенном историческом срезе, что объясняет необходимость его изучения в древних текстах. Исследование концепта, понимаемого в общем виде как базовая единица ментальной сферы, отражающая некоторый факт действительности, на историческом материале наталкивается на ряд трудностей, в связи с чем не могут быть применимы все методы. В настоящий момент появляются заслуживающие внимания работы, посвящённые особенностям вербализации концептов в древних текстах: так, рассматриваются концепт «гнев» на материале древнерусских памятников [5], концепт «горе» на материале средневерхненемецкого языка [6], концепт «слава» на материале древнеанглийского языка [7]. Однако в целом можно говорить о неразработанности проблем вербализации концептов в древних языках и культурах, тогда как это направление весьма перспективно. Одним из неизученных концептов средневекового сознания является концепт «честь».

Цель данной статьи – смоделировать признаковую структуру концепта «честь» в средневековой картине мира на основе выявленных языковых репрезентантов концепта, т.е. лексем со значением «честь», и контекстов употребления ключевой лексики в трёх памятниках средневерхненемецкого языка, относящихся к жанрам рыцарского романа и героического эпоса. Именно в этих жанрах наиболее отчетливо прослеживается сущность средневекового концепта «честь».

В концепте выделяют обычно три основных слоя: понятийный (ядерные и периферийные признаки концепта), образная составляющая и ценностный компонент. Последний предполагает наличие в концепте оценочного кодекса лингвокультуры той или иной эпохи, определяющего культурную доминанту поведения людей. Ценностный компонент выражается в существовании так называемых «оценочных предикатов» [8. С. 77]. В данной статье мы рассмотрим подробно только первый слой концепта.

Понятийный слой средневекового концепта «честь» обнаруживается на основе анализа 1) так называемой «внутренней формы» концепта (термин Ю.С. Степанова [4. С. 44]), т.е. этимологии ключевого понятия (в нашем случае свн. *êre*), и 2) словарных дефиниций лексем с соответствующим значением в словарях средневерхненемецкого языка. Этимологи связывают происхождение немецкого существительного *Ehre* (двн. *êra*, свн. *êre*), как и других германских слов данного корня, с и-е. **ais-* ‘почитать, бояться’ [9. С. 262]. В Средневековье же происходит трансформация понятия «честь»: на передний план выходят семы «слава», «признание в обществе» [10. С. 961], чем объясняется частое употребление свн. *êre* в форме мн. ч. как, например, еще в современном немецком языке *mit Ehren*

‘с честью, с почестями’, *zu Ehren* ‘в честь кого-либо, с почестями’. Лишь позднее у слова *Ehre* развивается современное значение «самоуважение, достоинство», *Ehre* становится понятием морального порядка.

Исследование словарей средневерхненемецкого языка позволяет выделить ряд лексем со значением «честь», которые не являются абсолютными синонимами и поэтому могут быть отнесены к ядру или периферии соответствующей лексико-семантической группы. Ядром группы является лексема *êre* (часто в форме мн. ч.) – честь как почтение, слава, признание, которые обеспечиваются высоким положением, знатностью, храбростью, добродетельным образом мыслей [11. Т. I. С. 442б]. Лексема *êre* концентрирует в себе *ядерные признаки* концепта «честь»; можно говорить о концепте *êre*.

Остальные лексемы определенным образом дифференцируют соответствующее значение и таким образом называют *периферийные признаки* концепта. Ближе всех к ядру концепта «честь» стоят, на наш взгляд, следующие лексемы: *prîs* (часто в форме мн. ч.) – честь как общественное признание превосходства, слава в глазах других, доблесть, прежде всего добытая в бою [11. Т. II, 1. С. 532a], *lop* – честь как слава, хвала [12. Т. I. С. 1954] и *werdekeit* – честь как большой почёт, то, что придает вес [11. Т. III. С. 604б]. В значении всех этих слов содержится сема «признание в обществе», т.е. то, что выше мы называли внешним аспектом чести. Несколько дальше от ядра располагаются лексемы *tugent* (часто в форме мн. ч.) – честь как совершенство, добродетель, как подобающее поведение в обществе [11. Т. III. С. 55a] и *zuht* (часто в форме мн. ч.) – честь как благовоспитанность, хорошие манеры [11. Т. III. С. 938a]. Еще дальше стоит слово *triuwe* (часто в форме мн. ч.) – честь как верность, прежде всего вассальная [12. Т. II. С. 1520]: сема «признание в обществе» присутствует и здесь, но уже в более стёртом виде.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство лексем имеет свойство стоять в форме мн. ч., что, по-видимому, указывает на незавершившийся процесс становления таких абстрактных понятий, как честь, верность и др., которые мыслились ещё как множество, набор каких-то признаков. Ср.: *in diene von ir landen vil stolziu ritterscaft / mit lobelîchen êren unz an ir endes zît* [Nib. 6, 2–3] ‘Им служили многие знатные рыцари их стран с достойной похвалы честью (с почестями) до скончания своих дней’. Кроме того, все репрезентанты концепта обнаруживают большие словообразовательные потенции: в памятниках засвидетельствовано много производных прилагательных и наречий. Наличие богатых словообразовательных связей в языке может служить в пользу проработанности концепта «честь» в картине мира средневекового человека.

Расширить набор признаков концепта «честь» позволит теперь контекстуальный анализ сочетаемости его главного языкового репрезентанта *êre* с другими лексическими единицами в исследуемых текстах. Рассмотрим сначала сочетаемость с существительными. Здесь примечательны прежде всего так называемые *парные формулы*, т.е. формулы, в

которых выступают «слова одного морфологического класса, стоящие в одной и той же словоизменительной форме (единственное допустимое несоответствие – число имени существительного)» [13. С. 62]. Учитывая ограниченный объём текстового материала, критерием формульности будем считать устойчивость и повторяемость оборота в текстах не менее двух раз, а также в определённых случаях его фиксацию в словарях средневерхненемецкого языка. В нашем случае лексемы всегда соединяются союзом *und*. Структурный порядок может варьироваться, т.е. ключевое слово может занимать первую или вторую позицию. Это, например, такие формулы с компонентом *êre*, как *êre und guot* ‘честь и благо’, *êre und lip* ‘честь и жизнь’, *saelde und êre* ‘счастье и честь’, *vröude und êre* ‘радость и честь’ и др. В памятниках они встречаются в большом количестве. Ср.: *welt ir Kriemhilde sehen, – ir muget dâ wol verliesen die êre und ouch den lip* [Nib. 1461, 2–3] ‘Если вы собираетесь повидать Кримхильду, то вы можете потерять честь и жизнь’; *si ist benamen ein unschuldic wîp. / ... des sî pfant mîn saelde und êre* [Parz. 269, 28–30] ‘Она совершенно невинная женщина. ...За это ручаюсь своим счастьем и честью’. Е.А. Гуревич считает, что подобные формулы основаны на отношениях дополнительности, поскольку речь идёт о взаимосвязанных понятиях [13. С. 64–66]. Здесь они отражают положительные ценности человеческой жизни в Средневековье: понятие чести сопровождается такие фундаментальные понятия, как жизнь, благо, счастье и пр., т.е. полноценное существование человека неразрывно связано с его честью, с его признанием в обществе. Честь мыслится как атрибут жизни. И тогда она предстает как поведенческая категория, о чём свидетельствует закрепление ключевого понятия *êre* в обнаруженных формулах в сочетании с лексемами с соответствующей семантикой.

Помимо парных формул, сочетающих лексему *êre* с понятиями бытия, мы находим и формулы, в состав которых входят лексемы, называющие периферийные признаки концепта «честь» в сочетании с ядерным *êre*. Это формулы *prîs und êre* ‘доблесть (слава) и честь’, *tugent und êre* ‘добродетель и честь’, *zuht und êre* ‘благовоспитанность и честь’, *triuwe und êre* ‘верность и честь’. Ср.: *...diu sol wîzen war si kêre / ir prîs und ir êre* [Parz. 2, 27–28] ‘...должна понимать, кому она отдаст свою славу и свою честь’; *...wir enwellen danne brechen / unser triuwe und unser êre* [Trist. 10210–10211] ‘...если мы не хотим нарушить нашу верность и нашу честь’. Эти формулы также связаны отношениями дополнительности, но только в ещё большей степени, чем первые, т.к. ключевое понятие концепта *êre* сочетается не с фундаментальными понятиями, а с мировоззренческими и поведенческими категориями, наиболее близкими к самому *êre*. И здесь доблесть, добродетель, воспитание, верность немыслимы без чести, без признания общества, что вновь служит подтверждением тому, что человек Средневековья видит себя глазами других.

Обратимся теперь к сочетаемости ключевого понятия *êre* с существительными, обозначающими носителей чести. Анализ материала позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, честь в средневековом обществе – это привилегия не только мужчин, но и женщин. Но если мужчине, прежде всего рыцарю, приходится добывать честь в бою, приумножать её подвигами, что связано с трудностями, с риском для жизни – именно в этом контексте *êre* ценнее для мужчины, чем *lîp* ‘жизнь’ (активный аспект), то для женщины важно хранить, оберегать свою честь, данную ей изначально (пассивный аспект). Ср.: *sus wurden nâch den êren die riter küene unde guot* [Nib. 203, 4] ‘Так завоевывали свою честь рыцари храбрые и благородные’ (о битве бургундов с саксами); (рыцарь знатной даме с просьбой о благосклонности) *...ob ir iu mînen tumben rât / durch zuht niht versmâhen lât, / ich riet iu wîplîch êre / und werdekeite lêre* [Parz. 614, 27–30] ‘Если вы не позволите ради вашей благовоспитанности пренебречь моим скромным советом, я бы дал вам совет, который принесет вам как женщине честь и славу’. Мы видим, что содержание понятия чести изменяется в зависимости от пола носителя чести.

Во-вторых, если рыцарь постоянно отстаивает свою честь, то другие представители куртуазного общества, прежде всего король, князь и их окружение, уже наделены ею. Здесь работает известный принцип средневекового общества: кто знатнее, тот и доблестнее, честнее и т.д. Благородные качества человека напрямую связываются с его высоким происхождением. Честь – это неотъемлемый атрибут королевского рода, каждого из его членов, независимо от его реальных действий. Этим объясняется обилие лестных эпитетов в обращениях к верховным особам, включающих компонент *êre* и другие, а также их многочисленные производные типа *êrelîch*, *êrhaft*, которые, как уже говорилось, служат в пользу проработанности концепта «честь» и могут стать предметом отдельного исследования. Помимо обращений это многообразные формульные комментарии автора типа *nâch allen êren* ‘со всеми почестями’, *nach grôzen êren* ‘с большой честью’ и др. Таким образом, анализ сочетаемости с существительными показывает, что носителем чести может быть любой представитель куртуазного общества, однако же изначально она, как и другие добродетели, дана знатнейшим особам.

Кроме того, носителем чести может метафорически стать любой элемент культуры, имеющий высочайшую социальную ценность. Это такие символы чести, как Бог, Христос, дева Мария, а также отдельные предметы типа *kriuze* ‘крест’, *helm* ‘шлем’ и другие, замещающие собой соответствующие элементы культуры. Ср.: *swâ kirchen oder münster stuont, / dâ man gotes êre sprach, / kein ouge mich dâ nie gesach / sît den selben zîten* [Parz. 461, 4–7] ‘Ни в церквях, ни в монастырях, где прославляют честь Бога, никто не видел меня с того времени’; *...sô mane ich in dennoch mêre / bî des helmes êre...* [Parz. 321, 25–26] ‘...я призываю его ради чести шлема (рыцарской чести)...’.

Рассмотрим сочетаемость ключевой лексемы концепта «честь» с глаголами. Анализ материала показывает, что наиболее употребительны глаголы *hân* ‘иметь, обладать’, *sîn* ‘быть’, *bieten* ‘оказывать (честь)’, *geben* ‘давать, дарить’, *tuon* ‘делать, воздавать’, *nemen* ‘брать, принимать’,

gewinnen ‘добыть, заполучить’, *bewarn* ‘хранить, оберегать’, *verliesen* ‘терять’, *verkiesen* ‘пренебрегать, не соблюдать’ и *schaden* ‘вредить, задевать (честь)’. Вот лишь некоторые примеры: nu werbet ez, trûtgeselle mîn, / mit vuoge: des *habt* ir *êre* [Parz. 719, 16–17] ‘Передайте это ему, дорогие мои друзья, и сделайте это умело: тогда вам будет честь’; doch *buten* s’ir dise *êre* / niht ellîche alsô sêre / weder durch reht noch durch got / sô durch Gurmûnes gebot [Trist. 6003–6006]. ‘Однако они оказывали ей эту честь не по праву и не ради бога, а по приказанию Гурмуна’; unser frîunde wellent varn / gegen der hôhgezîte: got müez’ ir *êre* dâ *bewarn* [Nib. 1508, 3–4] ‘Наши друзья собираются отправиться на праздник. Да сохранит Бог там их честь’; Îsôt diu vorhte sêre / *verliesen* lîp und *êre* [Trist. 15319–15320] ‘Изольда очень боялась потерять жизнь и честь’. Последние два примера весьма показательны для мировидения средневекового человека. В «Песни о Нибелунгах» это эпизод речи епископа, благословляющего бургундов перед их поездкой к гуннам в царство Этцеля. Речь идёт не о сохранении жизни на чужбине, а именно о сохранении чести! Это ещё одно свидетельство того, что *êre* в средневековой картине мира ценнее, чем *lîp* ‘жизнь’. Кстати, это важное обстоятельство совершенно не было учтено переводчиком Ю. Корнеевым: это место со средневерхненемецкого на русский язык переведено им как «пусть наших родичей Господь не даст врагам сгубить» [Ниб. 1508, 3–4], что читатель интерпретирует исключительно как пожелание-благословение остаться в живых. В «Тристане» же королева Изольда опасается, что король Марк знает о её супружеской измене, что грозит ей смертной казнью. Здесь парная формула *lîp und êre* подразумевает утрату жизни с честью, постыдную смерть, что в очередной раз свидетельствует о неразрывности фундаментальной категории с поведенческой, о чем уже говорилось выше.

Сочетаемость ключевого репрезентанта концепта «честь» с глаголами определенной семантики, как правило, – это обладание, бытие, дарение, захват или утрата – указывает на то, что честь есть явление временное. Эту высшую ценность можно заслужить, прежде всего, в славном поединке или в сражении. Так, честь юного Зигфрида в «Песни о Нибелунгах» даже «растет» с его славными делами: In sînen besten zîten, bî sînen jungen tagen / man mohte michel wunder von Sîvride sagen, / was *êren* an im *wüehse* und wie scêne was sîn lîp [Nib. 22, 1–3] ‘В его лучшие годы, в дни его молодости много чудес рассказывали о Зигфриде, как росла его честь (слава) и как прекрасен он был’. Но честь можно и с лёгкостью потерять, например, нарушив хотя бы имеющий столь огромное значение в средневековом обществе ритуал, особенно гостеприимства, или, что гораздо тяжелее, пойдя на предательство или обман. Итак, с одной стороны, мы имеем такие признаки концепта «честь», как непостоянство и уязвимость. С другой стороны, честь – это дар Божий знатнейшим особам, а значит для них это величина постоянная, о чем мы уже также упоминали в связи с многочисленными лестными эпитетами с компонентом *êre* в текстах памятников.

Итак, мы рассмотрели понятийный слой структуры довольно сложного концепта «честь» в средневековой картине мира, оставив за рамками статьи два других важных слоя его структуры – образную и ценностную составляющие, включающие метафорическую сочетаемость ключевых лексем и оценочные ассоциации концепта в соответствующей лингвокультуре. Наряду с ядерным *êre* концепт «честь» представлен целым рядом других ключевых лексем, дифференцирующих основную сему «признание в обществе». Закрепление языковых репрезентантов концепта в парных формулах, основанных на отношениях дополнительности, может свидетельствовать о тесной связи с фундаментальными категориями бытия и мировоззрения. Анализ сочетаемости ключевого *êre* с другими языковыми единицами показал, что носителем чести может быть любой представитель светского общества, однако её верхушка наделена ею изначально, вне зависимости от реальных поступков, что очень типично для средневекового восприятия общества и, возможно, отражает следы более древней варварской картины мира. Этим объясняется наличие таких признаков концепта «честь», как непостоянство и уязвимость, характеризующих поведение других представителей общества, прежде всего рыцарства, добывающего честь в бою. Были выявлены и некоторые различия в трактовке чести женщины: пассивный аспект предполагает необходимость хранить честь, также свойственную светской женщине изначально.

Литература

1. **Вак М.** Die lebendige Dimension toter Sprachen: Zur pragmatischen Analyse von Sprachgebrauch in historischen Kontexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 1983. № 11. S. 1–21.
2. **Гуревич А.Я.** Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. М.; СПб.: Университетская книга, 1999.
3. **Maurer F.** Leid: Studien zur Bedeutungs- und Problemgeschichte, besonders in den großen Epen der stauischen Zeit. Bern: A. Francke AG; München: Leo Lehnen, 1951.
4. **Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
5. **Кондратьева О.Н.** Методика описания концептов в древних текстах // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, вып. 2. С. 133–140.
6. **Заяц И.Г.** Особенности вербализации эмоционального концепта «горе» в средневерхненемецкий период // «Исследовано в России» 959: Электронный научный журнал, 2006. Режим доступа: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2006/101.pdf>
7. **Антипова А.С.** Концепт СЛАВА в древнеанглийском языке и культуре // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, вып. 2. С. 141–147.
8. **Карасик В.И., Слышкин Г.Г.** Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
9. **Pfeifer W.** Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. München: Deutscher Taschenbuch Verl., 2000.
10. **Hoffmann W.** Worterklärungen // Weber G. Wolfram von Eschenbach. Parzival. Text. Nacherzählung. Worterklärungen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. S. 947–1006.

11. *Benecke G.F., Müller W., Zarncke F.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 3 Bde. Leipzig 1854–66. Nachdr. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963.
12. *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. 3 Bde. Leipzig 1872–78. Nachdr. Stuttgart: S. Hirzel, 1974.
13. *Гуревич Е.А.* Парная формула в эддической поэзии (Опыт анализа) // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 61–82.

Цитируемая художественная литература и принятые сокращения

Nib. – Das Nibelungenlied. Mhd. / Nhd. Nach dem Text von Karl Bartsch und Helmut de Boor, ins Neuhochdeutsche übers. und komm. von Siegfried Grosse. – 21., rev. und von Roswitha Wisniewski erg. Aufl. Stuttgart: Reclam, 2001.

Parz. – Wolfram von Eschenbach. Parzival. Mhd. / Nhd. Nach der Ausgabe von Karl Lachmann. Übers. und Nachw. von Wolfgang Spiewok. 2 Bde. Stuttgart: Reclam, 2000.

Trist. – Gottfried von Straßburg. Tristan. Mhd. / Nhd. Nach dem Text von Friedrich Ranke neu hrsg., ins Neuhochdeutsche übers., mit einem Stellenkomm. und einem Nachw. von Rüdiger Krohn. 3 Bde. 9. Aufl. Stuttgart: Reclam, 2001.

Ниб. – Песнь о нибелунгах: Эпос / Пер. со средневерхненем. Ю. Корнеева. СПб.: Азбука, 2000.

THE SIGN STRUCTURE OF THE CONCEPT «HONOUR» IN THE MEDIEVAL WORLD PICTURE

Moreva A.V., Gromova E.A.

Summary. The language representatives of the concept «Honour» and the contexts of their use in the Middle High German writings are analysed that are the best to reflect the essence and importance of this concept in the world picture of people in the Middle Ages.

Key words: concept, concept structure, category of honour, world picture, literature of chivalry.